

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2:8

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-108-114

Дата поступления: 26.09.2024
рецензирования: 20.11.2024
принятия: 17.12.2024

С.А. Сергеев

Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: SASergeev@kpfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

Станислав Лем и Иван Ефремов: несостоявшаяся встреча

Аннотация: два выдающихся писателя-фантаста и социальных мыслителя – Иван Ефремов и Станислав Лем – никогда лично не встречались и не переписывались, хотя у них было немало общих знакомых и они внимательно следили за публикациями друг друга. Целью статьи является выяснение возможных причин несостоявшейся встречи (недомогание И. Ефремова, слухи о «заносчивости» С. Лема и др.). Методы исследования – анализ переписки, художественных произведений и мемуаров И. Ефремова, Ст. Лема, людей из их близкого окружения. Автор приходит к выводу, что глубинной причиной отказа Ефремова от контактов с Лемом было несовпадение мировоззренческих взглядов по основным проблемам, которые и Ефремов, и Лем рассматривали в своем творчестве: сущность человека, его predisposition к добру или ко злу и место человека в космосе. И. Ефремов был антропологическим оптимистом, убежденным, что человек в своей основе добр, и проявления зла связаны с неправильным воспитанием и плохим социальным устройством. С. Лем, напротив, был антропологическим пессимистом, полагавшим, что в человеческой природе заложена склонность ко злу (антропологический манихизм), которая отчасти сдерживается наследственностью и воспитанием. В отличие от Ефремова, Лем пессимистически смотрел на возможность установления контакта со взмывающим разумом, и, как рационалист и неопозитивист, скептически относился к оккультизму и паранормальным феноменам.

Ключевые слова: Иван Ефремов; Станислав Лем; антропоцентризм; антропологический оптимизм; антропологический пессимизм.

Цитирование: Сергеев С.А. Станислав Лем и Иван Ефремов: несостоявшаяся встреча // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 108–114. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-108-114>.

Благодарности: автор выражает благодарность Виктору Язневичу за возможность ознакомиться с письмами Станислава Лема и консультации по малоисследованным аспектам творчества Станислава Лема.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сергеев С.А., 2024

Сергей Алексеевич Сергеев – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Казанского федерального университета, 420008, Российская Федерация, г. Казань, Кремлёвская, д. 18.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Sergeev

Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation
E-mail: SASergeev@kpfu.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

Stanislav Lem and Ivan Yefremov: a failed meeting

Abstract: two outstanding science fiction writers and social thinkers, Ivan Yefremov and Stanislav Lem, never met in person or corresponded, although they had many mutual acquaintances and closely followed each other's publications. The purpose of the article is to identify possible reasons for the failed meeting (I. Yefremov's illness, rumors about S. Lem's "arrogance," etc.). The research methods include an analysis of the correspondence, fiction, and memoirs of I. Yefremov, Stanislav Lem, and people from their close circle. The author concludes that the underlying reason for Yefremov's refusal to contact Lem was the discrepancy in their ideological views on the main issues that both Yefremov and Lem considered in their works: the essence of man, his predisposition to good or evil, and man's place in space. I. Yefremov was an anthropological optimist, convinced that man is basically good, and that manifestations of evil are connected with improper

upbringing and a bad social structure. S. Lem, on the contrary, was an anthropological pessimist, believing that human nature has an inherent tendency towards evil (anthropological Manichaeism), which is partly restrained by heredity and upbringing. Unlike Yefremov, Lem was pessimistic about the possibility of establishing contact with extraterrestrial intelligence, and, as a rationalist and neopositivist, was skeptical about occultism and paranormal phenomena.

Key words: Ivan Yefremov; Stanislav Lem; anthropocentrism; anthropological optimism; anthropological pessimism.

Citation: Sergeev, S.A. (2024), Stanislav Lem and Ivan Yefremov: a failed meetin, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 108–114, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-108-114>.

Acknowledgements: the author would like to thank Viktor Yaznevich for the opportunity to familiarize himself with Stanislav Lem's letters and consultations on little-explored aspects of Stanislav Lem's work.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sergeev S.A., 2024

Sergey A. Sergeev – doctor of political science, professor, professor of the Department of Political Science, Kazan Federal University, 18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation.

Введение

Визиты С. Лема в СССР

Станислав Лем трижды, начиная с 1962 года, посещал СССР, общаясь во время визитов с учеными, космонавтами, писателями-фантастами (Прашкевич, Борисов 2015, с. 164, 171, 203). К тому времени в СССР уже были опубликованы романы «Астронавты» и «Магелланово облако» (Лем 1960), «Звездные дневники Ийона Тихого», некоторые рассказы, в том числе о пилоте Пирксе, а также журнальный вариант романа «Солярис», публикация которого в журнале «Звезда» завершилась как раз перед визитом С. Лема. Таким образом, советские читатели, не знавшие польского языка, имели представление о творчестве С. Лема, хотя и не были знакомы с большей частью произведений лемовского канона, который, по мнению лемологов, открывается романом «Эдем», опубликованным в 1958 г. (Орлинский 2019, с. 216). Ни «Эдем», ни «Возвращение со звезд», ни тем более «Рукопись, найденная в ванне» на русский язык к тому моменту переведены еще не были. Это, однако, не помешало первому приезду С. Лема в СССР превратиться в триумф.

Подробный рассказ об этом визите, составленный самим С. Лемом, напоминает «Фиесту» популярного тогда в СССР Э. Хемингуэя: «Что же происходило конкретно со мной, вокруг меня, нельзя даже описать... Мой номер в отеле был почти постоянно забит разными кибернетиками, астрофизиками, математиками. Не говоря уже о молодых писателях. У меня были массовые встречи, две со студентами Московского университета, где я чувствовал себя как Ленин в 18 году, когда вещал для забитого зала... Меня любили там, мне говорили разные вещи, одаривали, почитали так, что, вероятно, уровень признательности удовлетворил бы человека с претензией на гениальность, которым я... до сих пор не стал... Я вел долгие ночные разговоры, читал в рукописях стихи и рассказы, и роман, говорил по 14 часов в сутки и вернулся такой обросший, что первые пару дней делал ошибки в родном языке» (Орлинский 2019, с. 265–266).

Позже, в отрывке «Так было», написанном в 1993 г. и включенном в «Сильвические размышления», С. Лем описал свой первый визит в СССР с изрядной долей сарказма, усилив ощущение хаоса, спонтанности и суматохи. Упомянув В. Высоцкого и А. Галича, которые пели для него, смелые песни в Доме физиков и только что вышедший журнал с повестью А. Солженицына, он вспомнил официальный ужин на Арбате, в зале огромном, «как ангар для дирижаблей», и неофициальный – в Ленинграде, у писателя-фантаста И. Варшавского. Гости уселись в тесной кухне, «из которой вынесли все, что смогли», причем Лема, как почетного гостя, усадили спиной к раковине. «Я как умел делал вид, что прием, на котором почетный гость сидит спиной к раковине, – вещь совершенно нормальная и вполне соответствует европейским обычаям» (Лем 2015, с. 376).

Борис Стругацкий дополнил этот рассказ, перечислив участников встречи в Ленинграде – это И. Варшавский, Д. Брускин, Е. Брандис и он сам; кроме того, «аналогичная встреча примерно в те же времена имела место и в Москве», в которой участвовали А. Громова, Р. Нудельман, А. Стругацкий, Е. Парнов (Стругацкий Б., 2004). «Квартира Ариадны Грозовой, – вспоминал С. Лем, – во время каждого моего пребывания в Москве превращалась в штаб, где было полно народу, где составлялись планы на ближайшие дни, просматривались последние издания, переводы, статьи». Неизменными спутниками С. Лема в столице СССР были А. Громова, Р. Нудельман и А. Мирер (Лем 1975, с. 251–252). «Я вернулся две недели назад такой усталый, что до сих пор еще сплю по двенадцать часов в сутки», – подводил итог второму визиту в СССР С. Лем (Прашкевич, Борисов 2015, с. 175).

Лем о Ефремове и Ефремов о Леме в переписке

Воспоминания участников этих встреч могли в деталях различаться, но одно можно утверждать совершенно точно – Ивана Ефремова там не было. С Иваном Ефремовым, ведущим советским фантастом того времени, С. Лем не встретился ни в 1962 году,

ни позже. Казалось бы, факт этой не-встречи – малозначительная деталь. Тем не менее и С. Лем, и И. Ефремов отметили это обстоятельство в переписке со своими конфидентами: С. Лем – с Д. Брусским, переводчиком, а И. Ефремов – с журналистом и литературным критиком В. Дмитриевским, автором первой биографии И. Ефремова.

Лем недоумевает, почему встреча с И. Ефремовым не состоялась (и это недоумение усилено разговорами и слухами вокруг этой несостоявшейся встречи), но предполагает, что это вызвано болезнью или депрессией: «С Ефремовым я так и не встретился. Мне многие говорили, что он хочет меня увидеть, что собирается сюда или туда – где буду я, но в результате ничего из этого не вышло. Возможно, он болен, но что ещё хуже – ко всему безразличен, а последняя его книга написана, как говорят, в довольно минорном тоне. Но, может быть, всё это только сплетни» (Мусалимов 2015, с. 13–14).

Для Ефремова же не-встреча со С. Лемом была его осознанным решением: «На свидание с Лемом решил не ходить – мне кажется, что Лем относится к нам с высокомерием, потому что ежели бы он по-серьезному хотел со мной встретиться, как писатель с писателем, то он должен был бы написать мне о своем желании, а не выражать его вообще» (Переписка... 2016, с. 471).

И. Ефремова при этом нельзя назвать недоступным – он охотно переписывался с людьми из самых разных слоев общества, от академиков до заключенных, приглашал к себе домой, мог помочь деньгами. Общаться с иностранцами он тоже не боялся: с 1936 г. (!) он переписывался с палеонтологом из Германии Ф. Хюне (Переписка... 2016, с. 21–23), а в 1960-е гг. вел активную переписку и с коллегами (Э. Олсон), и с писателями-фантастами из Великобритании и США, в частности, с Полом Андерсоном (Переписка... 2016, с. 661–662), а также А. Кларком и П. Шайлером Миллером (Переписка... 2016, с. 1501–1508).

Так что дело, вероятно, не в усталости И. Ефремова от домашних хлопот, о чем он также писал в письме к В. Дмитриевскому (Переписка... 2016, с. 470), и не только в «высокомерии» Лема, и даже не в том, что И. Ефремову, вероятно, не хотелось принимать участие в развернувшемся вокруг приезда С. Лема ажиотаже. Они могли списаться и встретиться во время последующих визитов С. Лема в СССР. Но ни Лем Ефремову, ни Ефремов Лему, насколько можно судить по сохранившейся переписке, не написали ни одного письма. При этом они следили за публикациями друг друга, может быть, не очень внимательно, но следили.

С. Лем о произведениях И. Ефремова и И. Ефремов о произведениях С. Лема

В «Космосе и палеонтологии» И. Ефремов скептически отозвался об идее «мыслящего оке-

ана» (Ефремов 1972, с. 121), а в частных письмах А. Бритикову и В. Дмитриевскому резко осудил повесть «Непобедимый», обвинив Лема не только в мрачности и недостаточном гуманизме, но и в том, что он «слизал» или «сюжетно списал» «Непобедимого» с повести Дж. Браннера «Ты хороший и верный» (Переписка... 2016, с. 694, 698). Сравнивая произведения Дж. Браннера и С. Лема, подобные подозрения трудно, если вообще возможно, счесть справедливыми. Эти слабо обоснованные обвинения еще раз подтверждают, что причины антипатии И. Ефремова к С. Лему кроются далеко не только в реальном или мнимом «высокомерии» последнего.

С. Лем также следил за публикациями И. Ефремова. Во время первого визита в СССР С. Лем отзывался о нем и его творчестве, по свидетельству в дневнике Аркадия Стругацкого, вполне комплиментарно (Стругацкий А. 2018, с. 612). Первой книгой Ефремова, которая произвела на С. Лема, по его выражению, «сильное впечатление», была повесть «Звездные корабли». Более сдержанно отзывался он о «Туманности Андромеды» (Лем 1968). Впрочем, позже С. Лем говорил (со ссылкой на своего переводчика К. Душенко), что «Туманность Андромеды» была написана под влиянием «Магелланова облака» (Лем 1996). Это нужно признать весьма маловероятным, поскольку польского языка И. Ефремов не знал, а русский перевод «Магелланова облака» вышел в 1960 г. (Лем 1960). В. Волобуев предположил, что Ефремов мог ознакомиться с пересказом романа, который еще в 1956 г. представили в редакцию фантастики издательства «Молодая гвардия» переводчицы Г. Гудимова и В. Перельман (Волобуев 2023, с. 260). Но, как достаточно точно устанавливается из переписки И. Ефремова, работа над «звездной повестью» велась им достаточно активно уже в 1955 г. (если не раньше), а название «Туманность Андромеды» появилось не позже января 1956 г. (Переписка... 2016, с. 265, 273). Поэтому даже если какое-то влияние «Магелланова облака» на «Туманность Андромеды» и имело место, оно не могло быть существенным и касалось лишь незначительных деталей.

Со временем творчество И. Ефремова стало явно вызывать у С. Лема всё большее неприятие, и антипатия писателей друг к другу стала к концу 1960-х гг., похоже, обоюдной. В январе 1964 г. Лем в письме А. Громовой характеризует «Сердце Змеи» как «фатальный кикс». Начало «Часа Быка» показалось ему «напыщенно-мелодраматичным», но при этом оскорбления в адрес И. Ефремова со стороны западногерманских левых радикалов (которые, видимо, восприняли «Час Быка» как антимаоистский памфлет) вызвали у Лема возмущение. Впрочем, и «Час Быка», и предыдущие произведения Ефремова раздражали Лема «невероятным антропоцентризмом» (Лем, Нудельман 2021, с. 76): «Случай с Ефремовым потому такой пагубный, что он, со сво-

им образованием, как профессиональный учёный, попросту не имеет права на антропоцентрическое мышление, как же, биолог-палеонтолог!» (Лем, Нудельман 2021, с. 83).

Антропоцентризм, если под ним понимать убеждение, что все разумные существа должны, в силу законов эволюции, быть человекоподобны, был действительно свойственен И. Ефремову. Но и Лем порой представлял взгляды Ефремова чересчур упрощенно и искаженно: «Я никогда не мог понять, почему выдающийся биолог Ефремов мог серьезно считать, что существа из иных миров могут быть не только похожи на людей как две капли воды, но к тому же и белой расы» (Lem 1978). Но И. Ефремов подобного никогда не утверждал. В «Туманности Андромеды» жители планеты в системе звезды Лебедя 61 – серокожие люди «с круглыми, как у совы глазами, обведенными кольцами серебристого пуха» и безгубым ртом, прикрытым «похожим на нос клапаном мягкой кожи» (Ефремов 1959, с. 56). Жители планеты у Эпсилон Тукана обладают темно-красной кожей, похожей на цвет кожи индейцев Центральной Америки, но более глубокого тона (Ефремов 1959, с. 60). В «Сердце змеи» обитатели фторной планеты телосложением и ростом сходны с землянами, но у них «чугунно-серый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском», густые иссиня-черные волосы и «невероятно большие и удлиненные, с резко косым разрезом» глаза (Ефремов 1975, с. 507). А в «Часе Быка» жители Торманса – переселенцы с Земли; впрочем, у многих из них смуглый цвет кожи и черные волосы (Ефремов 1970, с. 72).

Хотя и С. Лем, и И. Ефремов были фигурами, на которые не так-то просто было влиять, по переписке чувствуется, что свой вклад в раздор вносили и «доброжелатели» с обеих сторон, настраивавшие С. Лема против И. Ефремова, а И. Ефремова – против С. Лема (и братьев Стругацких заодно).

Усиливало отчуждение между И. Ефремовым и фантастами, входившими в круг Ариадны Громовой, и то обстоятельство, что И. Ефремов публиковался в журналах «Молодая гвардия» и «Техника – молодежи»; редакторы этих журналов были близки к «русской партии» – неоформленному движению русских националистов (Сергеев 2019, с. 71–72). Контакты И. Ефремова с «русской партией», а также отстаивавшийся им «сверхчеловеческий» идеал дали, по-видимому, повод эмигрировавшим из СССР литературным критикам и публицистам для обвинений И. Ефремова в нищезанятности, антисемитизме и близости к фашизму (Каганская 2011, с. 201; Спор... 1978, с. 155). Но даже критически настроенные по отношению к И. Ефремову авторы признают, что к идее превосходства какой бы то ни было нации писатель относился резко отрицательно (Шнирельман 2015, с. 274).

И. Ефремов и С. Лем: взгляды на человека, зло и космос

Но всё-таки в основе углублявшейся молчаливой пропасти взаимонепонимания двух великих писателей-фантастов – не мелкие склоки и частные расхождения, а несовпадение некоторых основных ценностей и вытекающее из этого различие мировоззрений писателей: в начале 1960-х гг. И. Ефремов, возможно, лишь предполагал это, а затем укрепился в своем убеждении.

Если попытаться кратко определить базовое отношение И. Ефремова к человеку и к человечеству, то это оптимизм в отношении человеческой сущности: «человек по своей природе не плох..., а хорош». (Ефремов 1977, с. 335). Этот оптимизм соединялся с почти руссоистским восхищением индивидом, который смог избежать или достаточно дистанцироваться от воздействия цивилизации. Это свободный и сильный человек, который любит вольную жизнь и путешествия: «Всякий человек, живущий на просторе, в среде количественно небольшой, привыкший полагаться на себя и своих товарищей, будь то геолог, охотник, лесовод, даже просто колхозник (но не замурзанного и большого колхоза в пригороде) выгодно отличается от измельчившегося, изверившегося, издерганного, забывшего о просторе и величии мира в своей тесной клетке горожанина... Чтобы оставаться настоящим человеком, надо изловчиться вести двойную жизнь, подобно хотя бы геологам...» (Переписка... 2016, с. 742). При этом представление о «наследственной испорченности» какой-то части человечества И. Ефремов категорически отвергал (Ефремов 1970, с. 250–251).

Этот антропологический оптимизм не был, однако, абсолютным: хорошего в человеке, конечно, много, считал Ефремов, но есть люди скверные, испорченные социальным окружением и жизненными обстоятельствами, причем вероятнее встретить их среди интеллигенции, чем среди городских хулиганов – таков вывод, который предлагается сделать читателю романа «Час Быка» из сравнения тормансианской интеллигенции, трусов и неврасстеников, продающих себя за «ничтожные преимущества в пище, жилье, одежде» (Ефремов 1970, с. 310) и уличной компании Гзер Бу-Яма, перед которым «трепещут» все жители города Средоточия Мудрости (Ефремов 1970, с. 399). Есть и просто социопаты, которых следует «изолировать и трансформировать» (Ефремов 1970, с. 112). Кроме того, даже в гармонично устроенном обществе неизбежны страдания и смерть – люди ХLI века могут их уменьшить, но не могут их избежать. Уменьшение страданий связано с людьми особого типа – бодхисаттвами, живыми буддами, видящими свою миссию в помощи окружающим, «делая добро, создавая прекрасное, распространяя знание» (Ефремов 1970, с. 110).

Таким образом, взгляды И. Ефремова представляли собой уникальный синтез по меньшей мере двух основных традиций: во-первых, гуманистическо-рационалистическо-просветительской, исходящей из того, что «хорошего в человеке много», и что развитие природы и общества идет от низшего к высшему, от плохого к хорошему, и что человечество должно прийти (если не самоуничтожится) к созданию общества сильных, хороших и счастливых людей. И русское народничество, и анархизм, и марксизм, и теория эволюции так или иначе находятся в рамках этой традиции.

Вторая традиция, оказавшая влияние на взгляды И. Ефремова, связана с российским Серебряным веком, включая в себя и религиозно-мистический, иррациональный компонент, интуитивизм, выражавшийся в недоверии к позитивистской науке, и огромный интерес к Востоку, понимаемому как страна «тайных знаний» (Сергеев, Кузьмина 2020), а также экзотическую сексуальность, возводимую и к античным оргиастическим культам, и к тантризму (конечно, ни о какой реальной преемственности с античностью или Востоком речи не было: античность и Восток были только интеллектуальным конструктом).

С. Лем тоже относил себя к традиции Просвещения, но был антропологическим пессимистом. «Я пишу в традициях Просвещения», – писал он М. Канделю в 1972 г., – и я рационалист, только немного отчаявшийся» (Лем 2009, с. 546). Он скептически смотрел как на интеллектуальные, так и на психологические возможности человека: суперинтеллект ГОЛЕМ XIV снисходит до беседы лишь с немногими избранными людьми, а общение с порожденными Солярисом двойниками быстро вывело коллег Криса Кельвина на космической станции из равновесия. Слабаки, тряпки, сказал бы про них, возможно, И. Ефремов. Подобная реконструкция его взглядов может показаться выходящей за рамки академического исследования. Но вот что говорил И. Ефремов (в пересказе А. Стругацкого) о функциях литературы: «... Литература должна давать читателю утешение и поучение. Нужно вернуться к богатырскому эпосу» (Стругацкий А., Стругацкий Б. 2018, с. 419). Сарториус и Снаут (да и Кельвин) совсем не богатыри и вряд ли могут дать читателю «утешение и поучение», а потому у И. Ефремова подобные персонажи (как Пур Хисс в «Туманности Андромеды») служат лишь для усиления контраста с образами героев-полубогов. У Лема в противостоянии с техникой, природой или искусственным интеллектом имеет шанс выиграть обычный человек с устойчивой психикой, руководствующийся здравым смыслом – как пилот Пиркс. Но и простой человек (возможно, Пиркс, а возможно, и нет) терпит в одноименной повести фиаско, пытаясь установить контакт с теми, кто не хочет идти на контакт.

Скепсис по отношению к возможностям человека дополняется у Лема антропологическим махизмом (Язневич 2004, с. 153; Околовский 2022, с. 131): человек изначально склонен не только к добру, но и ко злу, причем, возможно, более склонен именно ко злу. «Бескорыстное зло существует, и я не согласен с Августином, что это отсутствие добра. Там есть нечто большее – намерение, активное намерение» (Лем 2006, с. 455). При этом добрые люди в силу наследственности и воспитания способны обуздать внутреннее зло, порочные же не хотят или не могут сделать этого (Околовский, 2022, с. 41).

Подобное же расхождение мировоззрений привело в конце 1960-х гг. к временному разрыву отношений Ефремова и братьев Стругацких, которые были до этого достаточно близки. В 1967 г. Ефремов высказал А. Стругацкому свое принципиальное несогласие с духом последних произведений братьев («Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан»), которые вызывают у него «чисто физическое отвращение». Впрочем, такую же неприязнь у Ефремова вызывали произведения Достоевского, Гоголя, Фолкнера и Хемингуэя (Стругацкий А., Стругацкий Б. 2018, с. 419). После заметного охлаждения отношения И. Ефремова и братьев Стругацких в начале 1970-х гг. восстановились, хотя прежней теплоты в них уже не было. Между тем среди советских и российских фантастов Лем наиболее высоко ценил именно Стругацких (хотя и не мог удержаться от того, чтобы не предложить собственную интерпретацию «Пикника на обочине») (Лем 2009, с. 345–369).

Антропологический пессимизм тесно связан с отказом Лема от антропоцентризма и с пессимизмом в отношении возможности контакта с внеземным разумом. В романах Лема, начиная с «Эдема» и заканчивая «Фиаско», подобный контакт заканчивается неудачей. В «Новой Космогонии» внеземные цивилизации преобразуют Вселенную – но не устанавливают контакты друг с другом, более того, трансформация Вселенной делает такие контакты невозможными (Лем 2002, с. 209).

Будучи сторонником критического рационализма и неопозитивизма (Язневич 2014, с. 159–164), Лем резко негативно относился к иррационализму (Околовский 2022, с. 40), и связанными с ним увлечениями и сенсациями, возникавшими на грани эзотерики и науки, заявляя, что «не верит ни в какие Бермудские треугольники и «летающие тарелки», в чтение мыслей, психокинез», считая всё это «полнейшим бредом» (Лем 2006, с. 285). И. Ефремов, напротив, бредом это не считал и внес немалый вклад в распространение эзотерических идей в СССР (Сергеев, Кузьмина 2020, с. 189–190). Впрочем, будучи убежден в существовании одних паранормальных явлений, таких как телепатия, ясновидение и наследственная память (при ближайшем рассмотрении оказывавшейся современной версией представ-

лений о реинкарнации), он скептически относился к другим, полагая, что НЛЮ – «вид массового самовнушения и истерии» (Переписка... 2016, с. 416).

П. Околовский определял взгляды С. Лема как неолукрецианизм (Околовский 2022, с. 48–53, 108); но неолукрецианизм в данном случае означает не разновидность гедонизма в духе школы Эпикура, к которой принадлежал исторический Лукреций. Неолукрецианизм Лема в понимании Околовского – это стохастический, индетерминистский и анти-телеологический взгляд на мир, который является комбинацией атомов, случайно возникшей, порождающей системы с эмерджентными характеристиками (Околовский 2022, с. 109) и случайно распадающейся. Подобная «философия случая» ярко проявилась в романах «Расследование» и «Насморк», где случайное сцепление предметов приводит к необъяснимым и невозможным, на первый взгляд, эффектам. Взгляд И. Ефремова на мир, напротив, в значительной мере характеризуется телеологием и детерминизмом; для объяснения причинно-следственной связи явлений он прибегает к понятию кармы. «Если брать атеиста в его прежнем, примитивном понимании, что всё есть бесорядочное корпускулярное движение со случайными последствиями, тогда ко всем чертям такой атеизм, я не атеист, ибо с таким атеизмом жить иначе, как по-скотски, нельзя... Если же признавать некую причинную связь, назовите ее кармой, мировой механикой, эволюцией, развитием процесса, с определенными законами и порядком, то такой атеизм меня устраивает...» (Переписка... 2016, с. 1136). Поэтому развитие природы и общества для И. Ефремова – направленный процесс, хотя вектор прогресса складывается из множества случайных событий, подобных броскам кости. «Пресловутый естественный отбор природы предстал как... метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросая кости несчетное число раз» (Ефремов 1970, с. 105). Парадоксально, что начав с диаметрально противоположных предпосылок, Лем и Ефремов смягчают их: первый признает фатум как законы природы (Околовский 2022, с. 170), второй же рассматривает закономерность как интегральную сумму случайностей.

Справедливости ради следует отметить и некоторые совпадения во взглядах И. Ефремова и С. Лема: оба они были встревожены перспективой демографической катастрофы в XXI веке (Сергеев 2019, с. 41; Язневич 2014, с. 109), выступали за эвтаназию при условии строгого медицинского контроля (Лем 2015, с. 401; Ефремов 1959, с. 251), за ограничение рождаемости (Ефремов 1970, с. 209; Лем 2006, с. 631–638). Оба они отрицательно относились к фрейдизму (при этом И. Ефремов, критикуя фрейдизм, с симпатией высказывался о концепции «коллективного бессознательного» К.-Г. Юнга, сближая ее с представлениями о наследственной памяти) (Лем 2004, с. 370, 575; Ефремов 1970,

с. 251; Ефремов 1988, с. 512–513). Даже по вопросу зла в человеке позиции С. Лема и И. Ефремова не столь несовместимы, как это может показаться – по сути, весь роман «Час Быка» посвящен проблеме зла, и не случайно в нем упоминается и манихейство, и предлагается метафора «стрелы Аримана» – целенаправленности зла, в первую очередь поражающего самое лучшее, красивое и доброе (Ефремов 2008, с. 208). В свою очередь, отношение Лема к паранормальным явлениям характеризуется скорее скептицизмом, нежели полным отрицанием (Лем 2009, с. 458–461).

Выводы

Иван Ефремов и Станислав Лем никогда не встречались и не переписывались друг с другом, хотя переписка и интервью свидетельствуют о том, что они интересовались работами друг друга, и общих знакомых у них было немало. Случайные обстоятельства и нежелание участвовать в ажиотаже вокруг приезда Лема могут лишь частично объяснить отказ Ефремова от встреч. По-видимому, глубинной причиной несостоявшейся встречи было несовпадение мировоззренческих взглядов по основным проблемам, которые и Ефремов, и Лем рассматривали в своем творчестве: сущность человека, его предрасположенность к добру или ко злу и место человека в космосе. Если И. Ефремов был антропологическим оптимистом, полагавшим, что человек в своей основе добр, то С. Лем, напротив, был антропологическим пессимистом, полагавшим, что склонность ко злу заложена в человеческой природе, и она лишь отчасти может сдерживаться наследственностью и воспитанием. Диаметрально отличаются взгляды И. Ефремова и С. Лема на перспективы установления контакта со внесеземным разумом. Но мировоззренческий разрыв между И. Ефремовым и С. Лемом не был пропастью. При наличии доброй воли и несколько иного стечения обстоятельств они могли встретиться и вести диалог. Но нужно ли им было это? Каждый остался бы при своем мнении – хотя некоторые недоразумения могли рассеяться. Но и Лему, и Ефремову были нужны внимающие слушатели (и читатели), а не возражающие собеседники.

Источники фактического материала

Lem, S. (1978), Nie wierzę w UFO! Rozmowa ze Stanisławem Lemem. Rozmawiali Zofia i Jerzy Kluzowie, *Ita* [Warszawa], no. 33, pp. 20–21, Poland.

Ефремов И.А. Туманность Андромеды. Москва: Молодая гвардия, 1959. 368 с.

Ефремов И.А. Час Быка. Москва: Молодая гвардия, 1970. 448 с.

Ефремов И.А. Космос и палеонтология // Сборник научной фантастики. Вып. 12. Москва: Знание, 1972. С. 111–125.

Ефремов И.А. Сердце змеи // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Москва: Молодая гвардия, 1975. С. 460–521.

Ефремов И.А. Хорошего в человеке много // Фантастика-77. Москва: Молодая гвардия, 1977. С. 334–337.

Ефремов И.А. Лезвие бритвы // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. Москва: Молодая гвардия, 1988. 670 с.

Лем С. Магелланово облако. Москва: Детгиз, 1960. 384 с.

Лем С. Роботы будут петь // Комсомольская правда. 1968. 17 февраля. С. 4.

Лем С. Воспоминания // Книга друзей / Сост. В. Борисов. Москва: Правда, 1975. С. 249–255.

Лем С. Солярис // Собр. соч.: в 10 т. Т.2. Москва: Текст, 1992. С. 5–182.

Лем С. «... Но кое-что все-таки сбывается» // Московская правда. 1996. № 168. 14 сентября. С. 4.

Лем С. Библиотека XXI века. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002. 602 с.

Лем С. Фантастика и футурология. В 2 кн. Кн. 2. Москва: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 667 с.

Лем С. Книга жалоб и предложений // Так говорит... ЛЕМ. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 267–306.

Лем С. Мой взгляд на литературу. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 857 с.

Лем С. Черное и белое. Москва: АСТ, 2015. 640 с.

Лем С., Нудельман Р. Лабиринты и маски: письма и статьи // Сост. В. Язневич. Иерусалим: Млечный путь, 2021. 356 с.

Мусалимов В.М. Станислав Лем в письмах переводчику. Санкт-Петербург: Art-Xpress, 2015. 54 с.

Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Авт.-сост. О. Еремина. Москва: Вече, 2016. 1536 с.

Стругацкий А. Дневник, 1961–1965 // А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.6: 1962. Санкт-Петербург: Сидорович, 2018. С. 601–613.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Переписка, 1967 / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.12: 1967. Часть II. Санкт-Петербург: Сидорович, 2018. С. 395–442.

Стругацкий Б. Офф-лайн интервью [Ответ на вопрос В. Язневича 19.10.2004]. URL: <https://www.rusf.ru/abs/int0073.htm> (дата обращения 31.07.2024).

Библиографический список

Волобуев В. Станислав Лем – свидетель катастрофы. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 728 с.

Каганская М. Миф XXI века, или Россия во мгле // Собр. соч.: в 2 т. Т.1. Шутовской хоревод. Избранное 1977–2011. Б.м.: Salamandra P. V. V., 2011. С. 200–231.

Околовский П. Станислав Лем и разум. Философские этюды / Пер. с польск. и сост. В. Язневича. Минск: Галияфы, 2022. 224 с.

Орлинский В. Лем. Жизнь на другой Земле. Москва: Эксмо, 2019. 480 с.

Прашкевич Г., Борисов В. Станислав Лем. Москва: Молодая гвардия, 2015. 359 с.

Сергеев С.А. Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX века. Казань: Изд-во КНИТУ, 2019. 128 с.

Сергеев С.А., Кузьмина С.В. «Мы – земля»: проект тотальной конвергенции человечества и «настоящая наука» Ивана Ефремова // *Ab Imperio*. 2020. № 2. С. 171–202. DOI: 10.1353/imp.2020.0036.

Спор об Иване Ефремов. Круглый стол редакции // *Время и мы*. 1978. № 33. С. 150–166.

Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире: в 2 т. Т.1. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.

Язневич В.И. Станислав Лем. Минск: Книжный дом, 2014. 448 с.

References

Kaganskaya, M. (2011), *Myth of the XXI century, or Russia in the twilight, Collected Works: in 2 vol. Vol.1. Antic Hay. Selected 1977-2011*, pp. 200–231, Salamandra P. V. V., S.I.

Okolovsky, P. (2022), *Stanislaw Lem and Reason. Philosophical Etudes*, transl. and comp. V. Yaznevich, Galiyafy Publ., Minsk, Belarus.

Orlinsky, V. (2019), *Lem. Life on another Earth*, Eksmo Publ., Moscow, Russia.

Prashkevich, G. and Borisov, V. (2015), *Stanislaw Lem, Molodaya Guardiia*, Moscow, Russia.

Sergeev, S.A. (2019), *Ivan Efremov in the context of spiritual conflicts of the twentieth century*, Kazan National Research Technological University Publ., Kazan, Russia.

Sergeev, S.A. and Kuzmina, S.V. (2020), "We are the earth": the project of total convergence of humanity and "real science" of Ivan Efremov, *Ab Imperio*, no. 2, pp. 171–202, DOI: 10.1353/imp.2020.0036.

The dispute about Ivan Efremov. Round table of editorial board (1978), *Vremya I My = Time and We*, no. 33, pp. 150–166.

Shnirelman, V.A. (2015), *Aryan myth in the modern world: in 2 vol., vol. 1*, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., Moscow, Russia.

Volobuev, V. (2023), *Stanislaw Lem – witness to the catastrophe*, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., Moscow, Russia.

Yaznevich, V.I. (2014), *Stanislaw Lem*, Knizhny Dom, Minsk, Belarus.

Submitted: 26.09.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 17.12.2024